

М. А. НАБОКИНА,

студентка исторического факультета Московского городского педагогического университета

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Великое достижение человеческого разума — понятийный аппарат. Понятия обобщают характеристику того или иного явления, разгружая человеческую память, оставляя ей пространство для хранения более разностороннего, широкого «багажа» информации. Однако существование понятий создает, как ни странно, огромную гносеологическую проблему, связанную с пониманием того смысла слов, который хочет нам передать собеседник, особенно когда дистанцию создает книжный переплет. Происхождение этой проблемы весьма естественно: человек усваивает содержание понятия вместе с тем контекстом, который он постоянно встречает по соседству с этим понятием, с одной стороны; с другой же — когда человек узнает в тексте то или иное понятие, он прекрасно понимает, о чем идет речь — вот только понимает он, как правило, то, что вкладывает в это понятие сам, а не его собеседник.

Сложно оспорить то, что большая часть мышления человека приходится на ассоциативность, а значит, смысл есть не что иное, как индивидуальное переживание. Кроме того, привычное содержание и объем понятия могут со временем меняться. К примеру, представим, что наших современников осенит гениальная идея написать труд под названием: «Психология ботаников XXI в.», а

историки последующих эпох будут долго ломать голову над тем, какое отношение отличники физмата имели к науке о растениях.

Когда в научной литературе встречается термин «литературный этикет», на каком-то подсознательном уровне понимаешь, о чем идет речь. Но что понимаешь? Где определение этого термина? Самое примечательное то, что автор термина не дает ему точного или хотя бы более или менее конкретного определения. Единственное, довольно абстрактное определение таково: «Литературный этикет и выработанные им литературные каноны — наиболее типичная средневековая условно-нормативная связь содержания с формой»!¹

В нем есть некоторые зацепки: условный — относительный, сравнительный, зависящий от чего-то; нормативный — устанавливающий норму, правило. Остается только прояснить, от чего зависящий и какое правило устанавливающий. Много раз, повторяя одни и те же слова и словосочетания, автор явно акцентирует на них внимание, стремится убедить в их фундаментальности: термин «этикет» на 17 страницах встречается 119 раз — это, я думаю, о чем-то говорит. Однако, читая «Поэтику древнерусской литературы»

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Д. С. Лихачева, интуитивно начинаешь подозревать, что Дмитрий Сергеевич под понятием этикета понимал что-то свое.

В современной науке под понятием этикета понимается система общепризнанных, нерелексируемых, шаблонных правил поведения. Условно этикет дифференцируется на деловой, служебный, дипломатический, национальный, речевой и др. При этом в каждой из этих сфер этикет будет иметь свои особенности, единственно общим в нем будет то, что, в любом случае он выполняет функцию идентификации «своих» и «чужих». После того как мне удалось обозначить некоторые критерии современного понятия «этикет», думаю, необходимо сравнить, насколько эти критерии присущи понятию «этикет» в сознании Д. С. Лихачева.

1. Критерий общепризнанности. Лихачев в «Поэтике древнерусской литературы» напоминает читателю о том, что уже В. О. Ключевский и А. С. Орлов выделяют устойчивые словесные формулы, присущие житийному жанру и воинской повести — Лихачев признает существование этих формул и обращает наше внимание на то, что эти словесные формулы: «за руки ся емлюще сечаху», «стук и шум страшен бысть, аки гром», «бьящися крепко и нещадно, яко и земли постонати», «и поидоша полцы аки борове» встречаются вне житий: в летописях, исторических повестях, ораторских произведениях, следовательно, не жанр определяет выбор выражений, а сам предмет, о котором идет речь: выступление в поход, возвращение в свой город.

Следовательно, в понятие «этикет» Лихачев, видимо, включает критерий общепризнанности.

2. Критерий осознанности.

Отсутствие рефлексии:

— Литературный этикет заставляет текст богословского содержания составлять церковнославянским языком, бытовые сюжеты описывать народно-поэтическим, канцелярские дела — деловым, то есть церковный и русский язык не ассимилировались и не заменялись один другим, а происходил переход, порой резкий, с одного языка на другой в едином произведении, соответственно, если судить об авторстве древнерусского произведения только по стилю, то может показаться, что его создали три разных человека. Но если подумать, вряд ли древнерусский писатель мог предположить возможность описания религиозных мотивов — русским, а светских — церковным языком для придания им большей ясности, вряд ли он видел такую альтернативу и устанавливал запрет на нее.

— Этикет предполагает заимствование описаний из других произведений и цитиро-

вание Священного писания: Житие Довмонта заимствует описания из Жития А. Невского; по Лихачеву, аналогичность этих описаний связана с тем, что представления древнерусского автора о должном и сущем смешиваются, он не осознает того, что свершаемое может не совпадать с его представлением о том, как должно быть — мотивация заимствования заключается в попытке воссоздать подлинную картину происходящего. Задумывался ли автор над тем, почему должно быть именно так, а не иначе, и могло ли быть как-то по-другому? Скорее всего, нет.

Наличие рефлексии:

— В сознании автора присутствует установка на то, что его соотечественники должны быть «благовоспитанными»; именно эта установка, по Лихачеву, лежит в описании крещения киевлян — «радующиеся к крещению». Получается, что автор сознательно, целенаправленно, возможно, приукрашивая действительную картину, пытается наглядно продемонстрировать, что значит «благовоспитанность».

3. Критерий шаблонности.

«Литературный этикет — это не шаблон, перед нами творчество»¹.

Можно сделать вывод, что термин «этикет» в современной его семантике не очень уместен для описания того явления, о котором нам хотел поведать Дмитрий Сергеевич.

Попробуем пойти не по пути сравнения, а по пути анализа, разложения на составные части.

Предполагаемые компоненты литературного этикета:

— житийные и воинские формулы («Но не только выбор устойчивых стилистических формул определяется литературным этикетом...»);

— выбор писателем церковнославянского языка для одних случаев, древнерусского — для других, народно-поэтической речи — для третьих («был выбором всегда сознательным и подчинялся определенному *литературному этикету*», «*литературный этикет требовал* иногда быстрых переходов от одного языка к другому»);

— трафарет ситуации («словесное выражение этого трафарета может быть различным... *заставить* их вести себя так, как *надлежит вести...*», «этикет *требует* определенной воспитанности», «этикетным нормам *подчинялось* только поведение *идеальных героев...* в их уста реже вкладываются вымышленные речи... определяя художественный метод древнерусской литературы, *недостаточно сказать, что он клонился к*

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы.

идеализации... злодеи сравниваются со зверями... здесь *литературный этикет* не заимствуется из *реального быта*»);

— перенос отдельных описаний, речей из одного произведения в другое («речи, которые *должны* были бы быть произнесены в данной ситуации, поступки, которые *должны* были бы быть совершены действующими лицами при данных обстоятельствах... автор воссоздает это *поведение по аналогии*, средневековый писатель ищет *прецедентов*...» «авторы стремятся *все сопоставить с известными случаями из священной истории*, снабдить соответствующими *цитатами из Священного писания* и т. д.»);

— и вроде бы вот — эврика! Но: «*Единства этикета* в древней русской литературе *нет*, как нет и требований единства стиля. Все подчиняется *своей точке зрения*»¹. «Литературный этикет русского средневековья нуждается в своем изучении прежде всего как явление *идеологии, мировоззрения*»². Навер-

ное, придется говорить о некоем индивидуальном этикете, что уже звучит наивно.

Возможно, стоит поискать термин, близкий по семантическому полю к «этикету», но более подходящий для характеристик этого явления. К примеру, этика — она вполне отражает сходность мировоззрения и представления о должном у разных социальных групп в разные периоды истории: к примеру, научная этика не позволяет искажать факты, подстраивая их под сформировавшуюся концепцию: следовать этому негласному принципу или нет — «индивидуальный этикет» каждого, и как выходить из подобной «трафаретной ситуации» в принципе тоже: попробовать обосновать фактологию в рамках существующей концепции, отказаться от концепции или все же нарушать представления о «благовоспитанности».

Как бы то ни было, Д. С. Лихачев оставил «свой» термин неразгаданным, а ключ к нему, возможно, откроет двери не к одной древнерусской душе.